

К. С. Верхотурова

Молния в зеркале диалектной номинации

Молния (и вообще гроза) в народной картине мира – одно из самых таинственных и устрашающих природных явлений, и потому не удивительно, что и в фольклорной традиции, и в языковом коде образ молнии сопряжен с немалым количеством мифологических мотивов. Лексика, связанная с молнией, отражает, на наш взгляд, некий фрейм, эксплицирующий представления о причинах грозы, ее природе и последствиях. При этом в комплексе представлений о молнии с той или иной степенью очевидности обозначаются мотивы, генетически связанные с христианством (точнее, с народной интерпретацией христианского знания) либо со славянской мифологической традицией. С другой стороны, существует целый ряд номинаций, не содержащих мифологических смыслов, в основу которых положен вполне реальный признак номинируемого объекта.

В русских говорах молния зачастую связывается с представлениями о небесном, божественном огне (в противоположность огню хтоническому, ср.: *мышинный огонь* ‘светящаяся гнилушка’ Ряз. [СРНГ, 19, 70]; *мышевый огонь* ‘бледный свет в темноте от сгнившего в сыром лесу дерева’, ‘гнилое дерево, испускающее в темноте бледный свет’ Пск., Твер. [Там же, 68]). Интерпретация молнии как божественного огня (ср.: *божья воля* ‘молния’ Нижегород., Костром. [3, 63]; *божья милость* (*милость божья*) ‘о молнии’ Яросл., Арх., Олон., Онеж., Том.; *божье милосердие* ‘гроза’ Волог. [Там же]; *божья благодать* ‘гроза’ Самар., Арх., Сев.-Двин. [Там же]; *небесный огонь* ‘молния’ (без указ. места) [22, 340] и др.) соотносится с христианскими легендами о борьбе бога и сатаны, в которой «бог или его помощники (ангелы, архангелы Михаил и Гавриил, св. Илья) поражают дьявола молниями» [СД, 3, 280]. Вероятно, представлениями о том, что в момент удара молнии бог поражает дьявола, и объясняется восприятие грозы как божьей милости.

¹ Далее при ссылках на «Словарь русских народных говоров» в квадратных скобках указывается только номер тома и страницы.

Этот мотив, очень распространенный в фольклорных текстах (например: *И как по божьей милости гром гремит и стрела летит да дьяволом, так бы такая же стрела пала на злого человека*. Волог. [25, 121]), в ряде случаев отражается и в языковом коде. Очевидно, связь с идеей божественного огня поддерживает и глагол *опекать* 'сверкать (о молнии)' Волог. [23, 247], этимологически родственный *печь*.

К этому же сюжету восходят номинации, связанные с оружием: *огневáя стрелá* 'молния' Онеж., КАССР [22, 325]; *проскомíца* 'в религиозных представлениях – оружие святого Михаила Архангела' [32, 232] и *проскомíцею забить* 'убить громом' Смол. [Там же].

Среди славян распространено верование, согласно которому гроза, гром связаны с действиями какого-либо христианского или мифологического персонажа. Широко известно представление о том, что гроза возникает, когда Илья Пророк едет по небу на колеснице, ср.: *Илья великий* 'гром' Пенз. [12, 187] и др. Молния при этом часто воспринимается как искры из-под колес его колесницы. Вероятно, именно этим может быть объяснена такая номинация как *аскрамётка* 'искра', 'извив, блеск молнии', 'зарница' Пск. [1, 285]. В славянской мифологии, как известно, молния, гроза связываются с Перуном, что находит свое отражение и в номинативном освоении этого явления: *перу́н* 'молния' Смол., 'сильный гром, громовой раскат' Новосиб., Иркут. [26, 294], *с перу́на удáрить* 'об ударе молнии', *с перу́на сгорéть* 'сгореть от удара молнии' Латв. ССР [Там же] и т. д.

Еще одна лексикализовавшаяся мифологема связана с представлениями о том, что «молния – это видимый с земли свет верхнего неба, когда нижнее небо открывается» [СД, 3, 280]. В собственно языковом коде эта идея отражена в таких номинациях как *открывáться* 'осветиться, озариться (о небе при вспышке молнии)' Арх. [24, 212], *открýлось нéбо* 'о грозе' Арх. [Там же], *нéбо открýлось* 'о появлении зимой, в ночное время, молнии без грома; по поверью, тот, кто успеет в это мгновение обратиться к богу с просьбой, получит просимое' Тобол., Том. [20, 319].

Особое место в комплексе представлений о грозе занимает зарница, или *сухáя мóлния* 'молния без грома' Брян. [18, 219]. По народным поверьям, такая молния способствует созреванию хлебов, которые под ее воздействием наливаются и приобретают желтый цвет, например: *зёрники* 'зарницы, молнии без грома, которые, по народному поверью,

способствуют созреванию хлебов' Пошех., Яросл. [11, 342], *зрелѣнка* 'то же' Пск. [11, 348], *зрелкі* 'то же' Вельск., Смол. [Там же], *зорить* 'о молнии: сверкать и содействовать созреванию нив, которые получают тогда желтый, золотистый цвет' Нижегород. [11, 339], *зорять* 'сверкать (о молнии)' Нижегород. [11, 346] и др. Представление о том, что молния связана с созревaniem хлебов, оказывается настолько важным для номинатора, что запечатлется во внутренней форме: очевидно, приведенная лексика этимологически связана с *зреть*, ср. *зорить ягоды* 'давать дозревать ягодам, расстилая их на циновке' Яросл. [Фасмер, 2, 105]. Корреляция молнии и идеи созревания ржи воплощена и в номинации *ржа́* 'блистание молнии вечером или ночью, когда, по поверью, наливается рожь' Муром., Влад. [35, 92]. С другой стороны, молния не только способствует росту хлебов, но и наносит им вред. Существуют поверья, согласно которым болезнь злаковых воспринимается как поражение молнией: *захват* 'пораженные спорыньей колосья ржи' – *По местному поверью – обожженные молнией*. Калуж. [11, 144].

Удары молнии ассоциируются также с созревaniem рябины, в языке бытуют номинации ночи с зарницами, в которые, согласно поверьям, рябина наливается цветом: *рябиновая ночь* 'душная и темная летняя ночь с зарницами (обычно в период цветения рябины)' Печор. [21, 304]. Интересно, что на другой территории значение данного фразеологизма утрачивает связь с цветением рябины и обозначает ночь с зарницами вообще: *рябиновая ночь* 'ночь с зарницами' Арх., Брян. [35, 333]. На всей славянской территории распространено представление о том, что «молния сжигает цвет на растениях или ядра орехов в воробьиную ночь» [СД, 3, 281]. Номинация *воробьиная ночь* бытует и в русских говорах, однако стойкой связи с созревaniem орехов уже не поддерживается: *воробьиная ночь* 'душная летняя ночь с частыми зарницами' [5, 105], *воробьиная ночь* 'о ночах с непрерывными зарницами' Арх., Орл., Калуж., Тул. [Там же]. Таким образом, в языке отражены мифологические представления о том, что удары молнии непосредственно влияют на созревание ряда растений, причем молния может как способствовать их развитию, так и наносить им вред.

На северных территориях также распространено поверье о том, что с помощью молнии меняются фазы Луны, ср.: *перекрой* 'изменение фазы Луны; начало ущерба после полнолуния' Южн. Сиб. (*Название это происходит от поверья, будто молния и солнце ежемесячно пе-*

перубливают, перекраивают Луну за ее волокитство за утренницею) Арх., Мурман. [26, 133]. Нужно отметить, что это единственная мифологема о влиянии молнии на движение небесных светил, отраженная в русских говорах.

Очевидно, мифологическим страхом перед грозой, верой в то, что молния может карать грешников, объясняются весьма распространенные эвфемизмы, «ласковые» обозначения грозы: *грозичка* ‘гром и молния с дождем или градом’ Муром., Влад. [7, 148], *громушко* и *громушка* ласк. ‘гром’ [Там же, 152] и др.

Существуют также поверья, связанные с последствиями удара молнии в землю. Чаще всего в земле остаются так называемые громовые стрелы: *громовая* или *громовая стрела* ‘камнеобразный или стекловидный сплав продолговатой или круглой формы, образующийся от удара молнии в песчаную почву’ [7, 151], *громовые стрелы* ‘крупные черные, удлинённые, хорошо ограненные кристаллы горного хрусталя (кварца), сброшенные на землю, по народному поверью, пророком Ильей во время его поездок по небу, вызывающих гром’ Забайк. [Там же], *кремушек*, *кремушек*, *кремушок* и *кремушек* ‘камень, по народному поверью, принимаемый за громовую стрелу, поражающую дьявола’ (*Кремушки с обоих боков заострены, светленьки, будто на их пером подпись подписана: «Стрела, что бог врага бьет»*) Смол. [15, 212]. Эти стрелы наделялись особой силой и использовались в народной медицине, в частности при лечении от колик [СД, 3, 281]. Согласно другому сюжету, после удара молнии в землю образуется *громовой колодец* ‘ключ, образовавшийся, по народному поверью, от удара молнии в землю’ Ряз., Ворон. [7, 151], *громобойный колодец* ‘водоем, образовавшийся, по народному поверью, от удара молнии в землю’ Влад. [Там же, 150] или *гремучий ручей* ‘источник, образовавшийся, по народному преданию, от удара молнии или копыта богатырского коня’ Арх. [Там же, 132], *гремучий ключ (колодец)* ‘то же’ Калуж., Казан. [Там же, 133].

Как ни удивительно, но номинаций молнии, в основу которых положен тот или иной объективный признак реалии, во-первых, количественно меньше, во-вторых, они эксплицируют менее богатый ассортимент номинативных интенций. Самой продуктивной является идея блеска: *бликать* ‘сверкать’ (о молнии). [3, 24], *блискать* и *блискать* ‘блестеть, блистать; сверкать (обычно о молнии)’ Смол., Пск., Нижне-Дон., Курск., Орл. [Там же, 26], *бликовать* [удар.?] ‘сиять, сверкать’ Смол. [Там же, 24],

обліскаваты ‘озарять вспышкой молнии’ (без указ. места) [22, 94], *бліскалка* ‘молния’ Смол. [3, 26], *бліскавіца*, *блескавіца* и *блискавіца* ‘молния без грома; зарница’ Смол. [Там же] и др. Номинации молнии, производные от корней со значением ‘блеск’ распространены на огромной территории и развивают как предметную, так и процессуальную семантику. На втором месте по частотности эксплуатации находится идея света: *освэчивацца* ‘сверкать (о молнии)’ Волог. [23, 355], *освэчаць* ‘сверкать (о молнии)’ Костром., Арх., Яросл. [Там же], *просвэчиваць* ‘сверкнуть, блеснуть (о молнии)’ Перм., Урал [32, 225], *просветіцца* ‘сверкнуть, блеснуть (о молнии)’ Перм. [Там же, 224] и др., но дериваты этого корня в таком значении, во-первых, распространены на меньшей территории, во-вторых, развивают только процессуальную семантику при отсутствии предметной. Подобным образом разрабатывается и идея сияния: *свосіяць* ‘проблеснуть, просиять (о молнии)’ Ср. Урал [36, 329], *воссіяць* ‘о вспышках молнии’ Онеж., Волог., Свердл., безл. Новг., Перм. [5, 146], *взвосіяць* ‘блеснуть, сверкнуть (о молнии)’ Свердл., безл. Вят. [4, 252]. Стоит отметить, что среди дериватов *светить* и *сиять* очень большой процент безличных глаголов, то есть молния воспринимается скорее как инструмент, нежели как самостоятельный субъект действия.

Ряд номинаций связан с характером свечения, излучаемого молнией, – краткого, непродолжительного: *мігавка* ‘молния’ Пск., Смол. [18, 152], *мігало* ‘молния’ Тул. [Там же], *мігаць* ‘сверкать (о молнии)’ Пск., Твер. [18, 153]. Сопоставимым в плане мотивации может считаться глагол *мёлкать* ‘блистать (о молнии)’ Яросл. [Там же, 98], этимологически, вероятно, родственной *мелькать*.

На периферии системы обозначений молнии находится лексема *вечэрница* ‘молния, всполохи, играющие летом при вечернем закате солнца’ Арх. [4, 215], которая представляет собой единственный пример лексикализации конкретного времени появления молнии.

Неоднозначными в плане мотивации представляются глаголы *пластаць* ‘сверкать (о молнии)’ Арх. [27, 86] и *раздэ́рнуть* ‘осветить частями, полосами небо (молнией)’ Арх. [СРНГ, 33, 326]. С одной стороны, можно предполагать здесь связь со значением соответствующих глаголов в литературном языке: при ударе молнии создается впечатление «разорванного» неба. С другой стороны, не исключено, что в данном случае уместнее говорить о связи с диал. *пластаць* ‘сильно гореть,

польхатъ' Арх., Волог., Новг., Перм., Свердл., Курган., Tobол., Новосибир., Том.; 'разгораться, хорошо гореть; давать яркий свет' Урал., Перм., Арх., Краснояр. [27, 87]; *запластыивать* 'разгореться сильным пламенем' Перм., Арх., Курган. [10, 324] и *обдёрнуть* 'охватить (пламенем, огнем)' Арх. [22, 22] соответственно. В таком случае, очевидно, приведенные глаголы должны быть соотнесены с идеей *божественного огня*.

Парадоксальной кажется номинация молнии, мотивированная звуком – а именно свистом (*свистать* 'сверкать (о молнии)' Петрозав., Олон., Арх. [36, 279]; *свистучий* фолькл. эпитет молнии. Олон. [Там же, 302]). Думается, что эти обозначения объясняются прежде всего общей экспрессией – безусловно, корень *свист* обладает явным экспрессивным зарядом даже на уровне формы. Стоит отметить, что подобная модель номинации раритетны и каких-либо иных примеров, образованных по сопоставимой модели, обнаружить не удалось.

Также особняком стоят не имеющие системного характера образные обозначения молнии, бытующие в фольклорных текстах, например, *ли́ска* – в загадке: *бежит лиска коло лесу близко* (молния). Смол. [17, 62]. В данном случае также возможно предполагать, что образ выкристаллизовался самостоятельно, в его основу в таком случае, очевидно, были положены цвет и быстрота перемещения. С другой стороны, нельзя не принять во внимание существующую в языке стойкую связь лисы и огня, ср.: *поймать, добыть лису* 'подпалить, прожечь одежду' Иркут. [Там же, 60], *огня́нка* 'лиса огненно-рыжей масти' (без указ. места) [22, 331]. Не исключено, что по крайней мере на уровне коннотации *ли́ска* 'молния' содержит сему огня.

Таким образом, молния оказывается тем объектом, при освоении которого язык обращается в первую очередь к сопряженным с грозой мифологическим мотивам. Номинации, опирающиеся на реальные свойства объекта, не частотны и мотивированы в большинстве случаев блеском, сиянием или светом. Что касается номинаций, обусловленных мифологическими представлениями о молнии, то они демонстрируют очень богатый ассортимент номинативных интенций, апеллируя к целому ряду разнообразных мифологем, генетически связанных с христианской или славянской мифологической традициями.